

К ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭСТЕТИКЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (мегафизика простора и порядка)

© С. А. Лишаев

Лишаев

Сергей Александрович

доктор философских наук,
профессор

руководитель Центра
философских исследований
Самарская
гуманитарная академия

В работе рассматривается пространственная эстетика городского ландшафта Санкт-Петербурга. Ее своеобразие автор усматривает в сопряжении и гармонизации пространства и формы, границы. В статье анализируются конкретные ландшафтно-архитектурные формы взаимодействия простора и порядка, а также исследуется способ соотношения эстетики пространства с эстетикой времени. Особое внимание уделяется событийности пространственной эстетики Петербурга и ее качественной вариативности.

Ключевые слова: простор, просторное, порядок, граница, горизонт, форма, эстетика пространства, панорамность, свобода, воля, будущее, петербургский этос.

Борьба двух начал. Эстетическое впечатление от Петербурга определяется столкновением, борьбой и подвижным равновесием двух начал: простора (шири) и порядка (формы, линии, архитектурного силуэта). С открытым пространством в этом городе мы встречаемся едва ли не на каждом шагу¹. Но и начало порядка заявляет о себе в пределах старого Петербурга не менее настойчиво.

¹ Речь пойдет о том общем впечатлении, которое производит Петербург на человека «со стороны» своей центральной, парадной частью. Я исхожу из того, что в развитии города (в том числе – в развитии его пространственной эстетики), как и в развитии человека или романа, решающее значение имеют первые, начальные шаги. Очевидно, что даже в старой части Петербурга есть целые районы, где

С. А. Лишаев

Общее впечатление от города зависит от соотношения открытого пространства и ограничивающего его порядка, от «раскладки на местности» улиц, площадей, бульваров, проспектов и набережных... Пространственное лицо города, его эстетический профиль определяется тем, как именно простор и порядок сочетаются между собой в «урочищах» городского ландшафта.

Восприятие города с его пространственно-эстетической стороны определяет то, *каким образом* сопрягаются противоположности широкого и узкого, вмещающего и вмещаемого. В одном случае у нас может сложиться впечатление, что пространство не упорядочено, что город с ним не справляется; в другом мы, напротив, чувствуем нехватку вольного воздуха, страдаем от тесноты, от того, что «негде глазу разгуляться»; в третьем – встречаемся с тем или иным сочетанием (чередованием) в городских пределах открытости и закрытости, тесноты и свободы.

Ответное слово. Свообразие Петербурга состоит в том, что оба начала – и простор, и то, что его ограничивает, – явлены с таким размахом и с такой определенностью, которые в градостроительной практике встречаются не часто. Если простор – это первое «слово» пространственной эстетики Петербурга, то градостроительная огранка простора – это ее второе «слово». Архитектура в Петербурге рифмуется с простором.

Простор как определяющая черта пространственной эстетики города был задан самим местом, в котором развернулось строительство столицы. Петербург – город умышленный, но любой градостроительный умысел всегда ограничен топологическими характеристиками ландшафта, в котором ведется строительство. Низкие берега речной дельты, плоский рельеф местности, невысокое северное небо и широкая, полноводная Нева – все эти топографические составляющие «строительной площадки» были учтены планировщиками и архитекторами северной столицы. Величие Петра и тех, кто продолжил начатое им градостроительное предприятие, состояло в том,

доминирует иная, чем в центре, пространственно-градостроительная эстетика, что одно дело – Петербург фасадов, набережных и площадей, и совсем другое – «изнаночный» Петербург дворов-колодцев. Множественность эстетических образов города – не случайность. Она – продолжение двойственности его пространства, способного в разных условиях (погода, время года, время суток), в разных местах и у разных людей пробуждать разные эстетические переживания. Так, например, дворы-колодцы создают ощущение сдвленности, стесненности пространства. Эстетика простора и просторного – отличительная черта обращенного к трансперсональным стихиям «парадного Петербурга», а теснота дворов-колодцев и переулков – это «будничный Петербург». Чередование закрытых, лишенных зелени и света внутриквартальных пространств и просторных проспектов, площадей и набережных создает особый пространственно-эстетический ритм, рождающий разнокачественные и разнонаправленные переживания.

Многообразие эстетических преломлений Петербурга в сознании разных людей не отменяет важности анализа разнородных образов города, его персональных и коллективных мифов. Тем более не подлежит сомнению, что пространственно-эстетические эффекты городского центра имеют определяющее значение для понимания эстетики Петербурга, взятой *in toto*.

что при закладке города они использовали пространственно-географические особенности неевского устья на благо эстетическому образу новой столицы. Ширина неевского зеркала и монотонный пейзаж требовали строгости и определенности архитектурно-градостроительных линий. Не Петр, но сам ландшафт потребовал эстетического противовеса однообразию речной поймы, потребовал строгой, продуманной архитектуры.

«Против течения». Петербург – город границ и порогов. Архитектурная графика северной столицы следует логике преодоления. Линии петербургских набережных и проспектов проведены как будто для того, чтобы ответить на вопросы: «Какой ландшафт дает наилучшие возможности для обнаружения имперской воли в архитектурно-градостроительных формах? Где эта воля могла бы явить себя наиболее полно? Там, где природные условия благоприятствуют строительству, или, напротив, там, где они *видимым* образом ему противодействуют?» Чтобы сила могла себя обнаружить, ей требуется мощный противовес; чтобы продемонстрировать «имперскую линию», ее надо провести через топи и хляби, через реки и болота, то есть там, где противодействие топоса будет ощутимо даже сквозь наброшенную на него смирительную рубашку регулярной застройки.

Четкие линии набережных и проспектов, площадей и каналов, ясные, классические контуры дворцов и правительственных зданий открываются нашему взору там, где все сущее – от извилистых линий рек до причудливых очертаний островов – демонстрирует неправильность, зыбкость, подвижность. В таком месте строгие и четкие градостроительные линии производят сильное и вместе странное впечатление. Регулярный, правильный город, построенный в неправильном, гиблом месте, рождает ощущение призрачности, ирреальности. То ли воды и хляби – это только видимость, то ли город – невиданный по своим масштабам фантом, мираж, призрачный образ, ступившийся из белёсого холода болотных туманов...

Линия-правительница и логика пустых мест. Столичный город создавался по заранее разработанному плану в очень короткие – по историческим меркам – сроки. Воплощенные в камне идеальные линии градостроительного плана на столетия вперед предопределили пространственно-эстетический образ Петербурга, стали его топологическим априори. Эстетическое впечатление задается здесь не столько воздействием отдельных архитектурных памятников, сколько общим пространственно-градостроительным решением города, вписанностью архитектуры в линии согласованного с ландшафтом градостроительного плана.

Как Нева задает масштаб для города в целом, так и намеченные на плане Петербурга «пустоты» главных улиц и проспектов определяют пространственные параметры визуализирующих их строений. В Петербурге не улицы складывались – вырастали из лепившихся друг к другу домовладений, а, напротив, дворцы, жилые дома и государственные учреждения заполняли собой пространство, заранее отведенное под застройку². Дома

² Москва возрастала домами, расходящимися вокруг Кремля сообразно с рельефом местности, и отправляясь от того, что было построено ранее.

на Невском проспекте могли, со временем, меняться, ширина и длина проспекта – нет. Как верно отмечали многие исследователи архитектурного облика Петербурга, исходным, базовым элементом его градостроительной структуры были не отдельные здания и даже не их комплексы, а площади, проспекты и набережные, спланированные задолго до того, как архитекторы приступили к возведению отдельных строений³. Исходным пунктом для застройки города стали *пустые места*, обозначенные на плане «пустоты», которые постепенно обстраивались домами.

Центральная площадь империи. Петр строил столицу европейской державы, и, решая военные, экономические и политические задачи, стремился к тому, чтобы облик нового города излучал силу и величие. Необходимо было наглядно показать и соотечественникам, и скептикам-иностранцам непреклонную волю государя и мощь государства. Петербург должен был служить градостроительным прообразом новой России. Однако ландшафт, в который Петр решил «вписать» город, сам по себе давал мало поводов для решения политико-эстетических задач такого масштаба; если в избранном царем месте и было что-то, что позволяло – на уровне градостроительного замысла – вести разработку эстетики имперской мощи и величия, то это Нева. Простор неудержимо стремящейся к морю полноводной реки был умно, с большим эстетическим тактом задействован в строительстве новой столицы. К Неве обращены соборы и дворцы, государственные учреждения и монументы. Примечательно то обстоятельство, что архитектурную оправу река получила в своем самом широком месте, там, где она, перед тем как отдать воды Финскому заливу, разделяется надвое: на Неву Большую и Малую. Центром Москвы (историческим, географическим, смысловым, архитектурным) были Кремль и Красная площадь. Центром Петербурга стала Нева: «Постановкой Петропавловской крепости и Главного Адмиралтейства было предопределено расположение центра города у того места, где русло Невы разделяется Васильевским островом, образуя широкое водное зеркало...»⁴. Нева оказалась главной, центральной площадью северной столицы, определив своим расположением и своими размерами городской ландшафт Петербурга в целом.

³ Своеобразие градостроительной проработки пространства северной столицы со всей определенностью заявляет о себе при сопоставлении с топологией Москвы (типичной для городов, возникших в допетровский период). Теоретики градостроения уже обращали внимание на различие в градостроительном характере русских столиц: «Петербург всегда заполнял застройкой линии ранее предназначавшего плана, Москва же, напротив, стремилась согласовать свои планы с изначально сложившейся планировкой и застройкой. /.../ Геометрическая заданность регулярных улиц и площадей превращает сами здания в своего рода вспомогательный материал для строительства гигантской архитектурной декорации Петербурга. В то же время естественный характер сложения московского плана, очень точно «подогнанного» к холмистому рельефу местности, отводит главную роль ключевым зданиям-доминантам, которые полностью подчиняют себе целые участки городского пространства» (Гутов А. Э., Глазьев В. Л. Мир архитектуры: Лицо города. М., 1990. С. 21).

⁴ Гутов А. Э., Глазьев В. Л. Указ. соч. С. 23.

Неприкосновенность простора «центральной площади» гарантировала ее подвижность. Воды Невы охраняли центр города от застройки надежнее, чем это могли бы сделать самые строгие указы и предписания.

Культивирование простора. Именно игра природного ландшафта и его градостроительных решений сделала Петербург городом особенным, непохожим на другие европейские и русские города. Подавляющее большинство полисов и мегаполисов современной Европы зарождалось и возрастало на относительно свободных (от болот, оврагов, лесных дебрей) местах; порой они удерживали в своей планировке более или менее обширные открытые пространства площадей, набережных, возвышенных мест с панорамным обзором окрестностей, но очень немногим из них удалось сохранить открытое пространство в центральной части города в том объеме, в каком его сохранил Петербург. Удалось это потому, что простор с самого начала мыслился создателями города как градостроительный принцип. Ведь простор, как и порядок, можно культивировать. Строители Петербурга это знали и работали над архитектурным решением проблемы обустройства открытых пространств.

Для Петербурга культивирование открытых пространств означало, прежде всего, градостроительное решение речных акваторий, и, прежде всего, акватории Невы. Нева – центр города, все вращается вокруг нее. Переключка шпиль Петропавловской крепости и Адмиралтейства, молчаливый диалог архитектурных памятников, выделенных из общего ряда строений своей высотой, величиной или формой, стягивают протяженное побережье Невы в единое целое. Функцию визуальных скреп, соединяющих берега широкой реки, выполняют старые разводные мосты: Литейный, Троицкий, Биржевой, Дворцовый. Так простор включается в городскую среду, охватывается городом как городской простор.

Нева и впадающие в нее реки получают двойную опору из камня. Линии рек и каналов множатся эхом плавных обводов гранитных набережных и широким поясом величественных сооружений XVIII–XIX-го столетий. Эстетическую действенность простора усиливает то обстоятельство, что обрамляющие Неву здания встроены в четкую, лаконичную линию (известно, что дома в Петербурге предписывалось строить «в одну фасад» и на одной высоте, «по карнизу»). Д. С. Лихачев, размышляя над эстетикой Санкт-Петербурга, обращает внимание на то, что Нева обстроена так, чтобы «создать величественные ансамбли и вместе с тем не уничтожить большими размерами впечатления от огромных водных просторов. /.../ ...Архитектурный ландшафт Невы принадлежит... опытнейшему театральному декоратору, создавшему неповторимое сочетание огромного водного зеркала со строго соразмерной ему архитектурой»⁵.

Линия набережных и искусство панорамных видов. Ширь и простор в центре С.-Петербурга заявляют о себе *трижды*: они обнаруживаются водами Невы, обрамляющей их линией набережной и низким северным небосводом с неровной канвой серо-сизых облаков. Пустое, по необходимости откры-

⁵ Лихачев, Д. С. Земля родная. М., 1983. С. 117–118.

тое пространство реки не оставляет человеку, прогуливаемому по не-вским набережным, выбора: простор с неизбежностью овладевает его вниманием. Пойманный водной поверхностью взгляд пробегает речную гладь и упирается в противоположный берег, где встречается с рукотворным препятствием – с линией набережной. На противоположном берегу созерцатель может увидеть только то, что позволил ему увидеть градостроитель – не больше, но и не меньше. Дистанцию не может изменить никто: ни строитель, ни тот, кто созерцает построенное. Недаром силуэт города в его центральной части сравнивают с театральной декорацией: набережная и окна домов (окна первого, второго, третьего этажа...) жестко фиксируют угол обзора с противоположного берега реки; то, что созерцатель может разглядеть на краю «сцены» (по ту сторону сценической площадки Невы), – это декорирующая ее архитектурная линия дворцов и учреждений и – ничего больше. Любуясь архитектурной декорацией из «партера», с «бельэтажа» или «амфитеатра» (с тротуара, из окон второго или третьего этажа), зритель видит то, что открыл ему архитектор-сценограф. Из партера видна первая линия зданий набережной, с более высоких уровней («бельэтаж», «амфитеатр») в поле зрения попадает и кое-что из того, что располагается за этой линией: в результате эффект сценической декорации становится менее отчетливым. Получается, как в театре: верхние места хуже, чем те, которые расположены внизу, в партере. Набережная Невы создана для гостей, для пешеходов, для «других», а вовсе не для тех, кто живет в выстроенных вдоль набережной домах.

Обрамляющие Неву «архитектурные единицы» (площади, кварталы и строения) должны быть достаточно большими для того, чтобы их можно было «прочитать» с противоположного берега. При этом размер зданий не должен быть настолько большим, чтобы их контур прерывал ровную и широкую панораму неевского побережья, заставляя взгляд делать резкий скачок вверх⁶. Архитектору, строившему в центре города, на ее парадных набережных, приходилось учитывать расстояние, с которого прогуливающийся вдоль Невы прохожий будет созерцать противоположный берег; он должен был думать о *силуэте* возводимого им здания⁷, а также о том, как

⁶ С этой задачей успешно справилась печально известная гостиница «Ленинград», ныне «Санкт-Петербург», прервавшая плавное движение взгляда по ровной линии береговой застройки. Впрочем, как стало ясно в последнее время, пространственной эстетике Петербурга сегодня угрожает куда более грозная опасность. Постройка башни Газпрома в границах исторического центра нанесет непоправимый урон пространственно-эстетическому образу города.

⁷ Силуэтное мышление поддерживается в Петербурге туманной, дымчатой атмосферой приморского города. Размывает архитектурный декор и акцентирует внимание на контурах крупных строений петербургский туман, сдвигающий изобразительную эстетику города от графики к акварели. Подыгрывают силуэтно-панорамному мышлению и знаменитые белые ночи, чей рассеянный свет убирает все лишнее, оставляя для скользящего по визуальным направляющим на-бережных рек и каналов взгляда самое существенное: узнаваемый силуэт как подлинную роспись города на страницах приморского ландшафта.

этот силуэт впишется в береговую линию в целом. Градостроители исходили из возможностей панорамного взгляда⁸, охватывающего набережную Невы на большом протяжении. Они должны были учитывать открытость для обозрения множества зданий одновременно и возможность их визуального сопоставления.

Четкая, но невысокая линия городской застройки, по которой перемищается созерцающий противоположную сторону реки взгляд пешехода, вносит в беспредельность простора начало порядка, ограничивает его и в то же время акцентирует на нем внимание: четкий архитектурный силуэт приковывает к себе взгляд и выявляет обширность пространства, отделяющего созерцателя от противоположного берега. За крыши вплотную примыкающих друг к другу дворцов, особняков и государственных учреждений его взор проникнуть не может: за линией выстроившихся вдоль набережной зданий нет высоких строений, а значит – ничто не отрывает от созерцания береговой линии. Отсутствие объектов созерцания за пределами береговой линии оставляет пешехода наедине с простором⁹.

⁸ Возможность создания панорамных видов на одной плоскости (на равнине) предоставляется градостроителю не часто. Панорамность предполагает выполнение ряда условий. Когда через город проходит река, резервирующего свободное пространство напротив линии набережной, то это обстоятельство еще не гарантирует возможность ввести простор в городскую среду. Здесь должен быть выполнен ряд условий: расстояние до противоположного берега должно быть таким, чтобы здания хорошо «читались», но чтобы архитектурные детали строений скрадывались расстоянием. Это необходимо для того, чтобы созерцатель видел объем здания в целом и воспринимал линию окаймляющих набережную сооружений в ее протяженности, то есть чтобы он мог любоваться городским силуэтом (городской силуэт – это визуальный портрет города, а не отдельного городского ансамбля). Такие условия складываются редко. Волга, например, настолько широка, что даже в тех редких случаях, когда город перебирается с одного берега на другой (или когда два города на разных берегах сливаются в один), две его части не воспринимаются (не переживаются эстетически) как одно целое (Нижний Новгород, Ульяновск, Саратов-Энгельс). В тех же случаях, когда река значительно уже, чем Нева, дома на противоположном берегу выглядят почти как «дома на противоположной стороне улицы»: в результате – по широте – обзор оказывается ограничен и городской силуэт не складывается; наш взгляд невольно фокусируется на архитектурных деталях (на декоре) и не может сформировать «образ города»: перед нами «городской вид», но не «вид города», не городской силуэт. Маленькая река, протекающая через город, делает его уютным, но выстроить в таком месте – за счет речного простора – величественную городскую панораму весьма проблематично.

⁹ Купола церквей и башни колоколен, которые кое-где приподнимаются над архитектурным силуэтом города, слишком малы и туманны из-за отделяющего их от противоположного берега расстояния, чтобы приковать к себе взгляд планирующего вдоль гранитного парапета наблюдателя. Именно ширь, а не даль – определяющая черта городского пейзажа Петербурга в районе его парадных набережных. Зато пространственное решение проспектов выстроено в эстетике перспективных эффектов дали. Линия горизонта, связанная с эстетикой простора, противоположна эстетике перспективных построений. М. В. Михайлова справедливо отмечает, что «если простор дает нам линию схода, которая столь же определена, сколь открыта для

Панорамные виды и линия горизонта. Переживание пространства в режиме его простирания возможно там, где вещи отступают перед неизмеримостью распростертого. Для переживания пространства как простертости необходим «открытый доступ» к линии горизонта, «опираясь» на которую, взгляд может беспрепятственно скользить слева направо и справа налево, никогда не охватывая горизонта целиком. Что оказывается в фокусе нашего восприятия в описанной ситуации? Не что-то в особенности, а то, в чем обнаруживает себя это особенное, – пространство-простор как образ мира, взгляду данный. Простор – это опыт чувственной данности особенного, Другого, переживаемый в модусе возможности располагаться «в» пространстве, быть «в» мире. Чувство полноты присутствия возникает в результате отвлечения от «чего-то в отдельности», когда человек присутствует не в том или ином отношении (в отношении к тому или к этому), но просто присутствует.

Существенным моментом переживания простора оказывается индуцируемый созерцателем горизонта опыт безграничности границы. Соприкосновение земли и неба в протяженной точке их схода, их взаимного ограничения, может переживаться как символ безграничного простирания.

Набережные Петербурга дают нам возможность созерцать противоположный берег Невы как приближенную к нам линию горизонта. Гори-

бесконечного движения в любую сторону, то перспектива предлагает точку схода, которая не оставляет созерцателю выбора. Оказавшись... в чистом поле, я могу двинуться, куда душе угодно; на Невском проспекте путь у меня будет только один – к золотому шпилю Адмиралтейства. Перспектива структурирует пространство так, чтобы любое движение приобретало статус целенаправленного, рационально организованного, причем организованного не мной, а неким «строителем чудотворным» (из заметок М. В. Михайловой, цитируется с согласия автора). Эстетика петербургских проспектов вполне укладывается в эстетику порядка, в эстетику волевого, целерационального ограничения пространства.

Не вдаваясь в подробности, хочу обратить внимание на существенное отличие эстетических эффектов перспективы, которая замыкается шпилем, башней, колокольней, триумфальными воротами и т. д., от переживания дали. Чем отличается перспективный эффект от эффекта дали? И в том, и в другом случае взгляд может продвигаться только в одном направлении – в направлении глубины пространства, а не его шири. Но в случае перспективно организованного пространства проспекта взгляд упирается в предмет (строение), замыкающий перспективу. Проспект – это правило для движения взгляда и тела. Даль же, в отличие от перспективы, не имеет той точки отсчета, к которой можно «приковать» взор, здесь существенно игра планов: первого, второго, третьего... и, наконец, самого дальнего. То, что находится на первом плане, расположено достаточно далеко от нас, но за ним есть еще один план, а дальше виднеется что-то еще более отдаленное и туманное. Взгляд с первого плана переходит к среднему и дальнему, затем – вновь к переднему, потом – к среднему и к дальнему... Самая дальняя даль как бы «растворяется в воздухе», почти сливается с небосводом. Даль – это пространство, которое символизирует бесконечность в таком измерении как глубина (как визуальный опыт бесконечного углубления). Фаустовская цивилизация находилась под обаянием манящей дали, приглашающей испытать неведомое, отправиться в путь, открыть «новые горизонты».

зонт – линия примыкающих друг к другу строений на противоположном берегу реки. Они не закрывают собой полнеба, но вытягиваются в длинную горизонтальную линию. Однако для того, чтобы пережить опыт простора в его полноте и чистоте, расстояние до линии горизонта может оказаться (здесь и теперь, для этого вот человека) *недостаточно большим*. Но для того, чтобы в фокусе нашего внимания оказалась архитектурная форма здания, оно, напротив, может оказаться *слишком большим*. В результате мы воспринимаем ландшафт прибрежной части городского центра или в модусе просторного, или в модусе простора. Линия домов на противоположном берегу, по причине ее приближенности к созерцателю и в силу очевидной руковетворности ее происхождения, выступает как *агент порядка*, ограничивающий устремленный вдаль взгляд и принуждающий его к горизонтальному скольжению. Линия набережной, превышающая нашу эмпирическую способность к схватыванию и удержанию протяженных предметов, способствует свершению события переживания Другого в модусе безграничности, то есть способствует рождению чувства простора. Восприятие пространства простирается получает различную эстетическую конкретизацию в зависимости от того, «чья возьмет»: окажется ли более действенным начало порядка или, напротив, им окажется начало простора. Эстетика пространства реализуется или как эстетика просторного, или как эстетика простора в зависимости от ситуации, то есть конституируется событийно, для данного случая.

Обуздание воли. Воля основателя Петербурга была нацелена на культивирование простора и вместе с тем – на его упорядочение (включение-замыкание простора в рамку градостроительной формы). В Петербурге встречаются и вступают в борьбу иррациональная, неупорядоченная воля-как-чистая-возможность-иного и рациональная, государственная воля, – воля монарха. Строгость, масштабность и упорядоченность архитектуры Петербурга демонстрировала серьезность преобразовательных планов Российской империи и наглядно, в градостроительных образах заявляла о притязании России на статус мировой державы. Градостроитель стремился создать ландшафт, в котором открытое пространство было бы структурировано таким образом, чтобы город *не уничтожал простор*, а «*вводит его в рамки*», «*опрavляя*» в прекрасную, величественную форму, способную свидетельствовать о твердости и силе государственной воли. Замкнутый, ограниченный линией набережных простор – демонстрация укромного, «связанного» простора, эстетическая манифестация монаршей воли, претендующей на обуздание народной вольницы (выраженной в таких смыслообразях как степь, казак, разгул, пожар, бунт) и на то, чтобы направить «стихию жизни» в определенное русло.

Пространство и время: режим будущего времени. Эстетика просторного, помимо пафоса величия и мощи, имеет и другой смысловой вектор. Петр хотел открыть Россию миру, а мир – России; не случайно именно эстетический символ открытости – простор стал пространственной доминантой, определившей облик центральной части столицы. Пространственная открытость Петербурга символизирует открытость России

новому, небывалому. Город обращен к реке и морю и настроен на встречу с будущим¹⁰. Простор и просторность как главные градостроительные принципы Петербурга – это контрапункт к уюту замкнутого на себя (и собирающего вокруг «русский мир») пространству Москвы. Петр противопоставил старой России – Россию новую, уюту – простор, Москве – Петербург. В Москве все улицы сходятся к Кремлю и Красной площади, в Петербурге они ведут к Неве. В Петербурге, как и в Москве, все началось с возведения крепости, но Петропавловская крепость расположилась на острове, и городу ничего не оставалось, как разрастаться вокруг реки. О каменных стенах, которые, как годовые кольца дерева, нарастают вокруг кремля, Петербург, строившийся в XVIII-м столетии, и знать не знал. Исходный градостроительный жест северной столицы – жест освобождения и выхода «на вольный простор», а не жест горожанина, прикрывающегося щитом крепостных стен от грозящих городу опасностей: пространственную организацию Петербурга с самого начала определяли не стены и земляные валы, а реки и каналы, проспекты и площади.

Петербург и «русский мир». Хотя Петербург задумывался как архитектурная и историческая антитеза Москве и во многих отношениях находится в оппозиции к градостроительной традиции Московской Руси, он, тем не менее, был и остается (именно в качестве *альтернативного проекта*) очень русским городом. Дело не только в том, что Петербург изначально связан с Москвой (в том числе и в архитектурно-градостроительном решении пространства) смысловой (внутренней) связью отрицания, дело в том, что его ландшафт несет в себе архетипический для Руси образ обширного, не суженного, не разгороженного человеком пространства, которому – в психологическом и ментальном измерениях национальной жизни – соответствует «широкая», порывистая и плохо контролируемая разумом «русская душа». Пространственный образ России и русского человека – простор, и именно он нашел себе место в городской среде С.-Петербурга. Охватывающий текучий и подвижный простор город являет собой форму рационально упорядоченной жизни. В зримых архитектурных формах новой столицы нашли себе выражение простор и порядок, воля и разум, беспредельное и предел, чувство и рассудок. Простор и порядок уравновесили друг друга, создав величественную и в то же время хрупкую гармонию двойственного, рационально-иррационального (мерцающего) града.

¹⁰ Петербургский простор – *символ «открытого времени», то есть времени в модальности будущего*. Петр хотел, чтобы страна жила, не оглядываясь в прошлое. *Пространственно-градостроительным символом* будущего и должен был стать Санкт-Петербург. *Прошедшее обжито, уютно*, оно – та стена, которая защищает нас от неизвестного, пугающего будущего (прошлое – иное, но это иное, которое не пугает, но вызывает к себе интерес в качестве другого, особенно времени). Замкнутое пространство уюта связано с закрытостью, завершенностью того, что было, с органически сложившимся прошлым. Открытость новому в градостроительном плане находит себе эстетическое соответствие в просторе и просторной городской планировке.

Ф. М. Достоевский – петербуржец и один из тех людей, чей нравственный характер совмещал страстность душевных порывов со стремлением к обузданию душевной стихии на основе моральных и религиозных принципов. Именно петербуржец Достоевский, говоря о русском человеке, обронил одно из самых известных о нем суждений: «Широк русский человек – я бы сузил». Петербург как раз и являет в своем облике (заявляет самой городской средой, ее пространственной архитектуроникой) усилие сужения шири, открывает «вид» на вековые работы по введению стихии народной жизни и индивидуальной жизни душевной в определенное русло. Привело ли это сужение, эта огранка простора к приобретению навыка огранки воли на индивидуальном уровне? Привело ли оно к положительным для России и русского человека результатам? Ответ на этот вопрос остается открытым.

Гений места и петербургский этос. В силовом поле бесконечной игры/борьбы простора и порядка сложился (складывается вновь и вновь) особый петербургский этос. Петербург оказывает трудно измеримое, но вполне ощутимое воздействие на нравственный характер людей, которым довелось жить в этом городе. Петербургский этос воспроизводится из поколения в поколение, несмотря на все катаклизмы истории. Ни гражданская война, ни массовая высылка коренных петербуржцев в 30-е годы, ни вымирание города в блокаду, ни его стремительный рост в 60–80-е годы не смогли стереть того особого отпечатка, который снова и снова накладывался на характер его жителей пространственно-архитектурным архетипом Петербурга. Петербург культивирует (эстетически) порядок и порядочность, прививает вкус к стройности и определенности и формирует у горожан особый этос (слово «петербуржец» и сегодня не только именование жителя одного из российских мегаполисов, но еще и указание на особый стиль поведения, особый характер). Петербург культивирует свободу (осознанно ограничившую себя волю), но в то же время он воспитывает бунтарей и подпольных людей, живущих пафосом высвобождения простора из ограничивающей его рамки «просторного».

Равновесие и борьба. Достигнутое равновесие двух начал (предела и беспредельного, простора и порядка, Европы и России) не воспринимается в Петербурге как мертвая данность, но снова и снова наглядно, зримо достигается, осуществляется. Но разве не эта борьба определяла и определяет жизнь русского человека? Разве не ей жила русская культура последних столетий? Невский простор делал и делает Петербург (эстетически и символически) очень русским городом, делает его местом, в котором противоположности «сходятся» и «вместе живут».

Невский простор и строгая, четкая линия набережных – это напряженная гармония натянутого лука. Петербург являет пространственный образ разума, стремящегося к обузданию иррациональной воли, образ разума, вмещающего волю в градостроительную форму и дающего ей определенное направление. В центральной части города, на старинных набережных Невы можно одновременно ощутить и богатство чистой воз-

можности (эстетика простора), и решимость ввести неопределенность возможностей в строгие рамки порядка (эстетика формы, предела): предел и беспредельное, простор и порядок соединились в центре северной столицы, и из их противоречивого союза родилась градостроительная гармония Петербурга.